

Ичиги и сам не знал, почему вдруг взял Орихиме в жёны – просто вдруг понял, что она стала неотъемлемой частью его жизни. Важная, хрупкая, практически беззащитная в сравнении с ним, она вызывала трогательное желание защитить её – в её осенних глазах он видел океан горячей нежности, и сердце обрывало удары. Он видел её чувства – в улыбке, во взгляде, в каждом жесте – и они опаляли его, словно огонь свечи палит крылья бабочек и мотыльков. Он не знал, куда от этого деться, но продолжал тянуться на свет – в противоположной стороне оставалась подобная ночи Рукия. Сильная и независимая Рукия. Рукия, в глазах которой он однажды увидел мир и замер. С годами отдельная для них вселенная растаяла утренним туманом – она осталась в Сообществе Душ, она осталась сильной и прекрасной шинигами, она осталась недостижимой для него родственной душой, за которой он не смог угнаться – отпряг, стоило ей остановиться на половине шага и посмотреть в его сторону влюбленно-сладким взглядом.

С Кучики они не виделись больше трёх лет – до тех пор, пока не пришло известие о её браке с Ренджи – и он старался не сгореть в чувствах Иноуэ, оставаясь в безопасной тени, на границе мысли о далёком существовании Рукии. Старался – всё разбилось пылью от пары неловких слов, и он забыл обо всём, поднимая взгляд в бледно-серое дождевое небо. Да, он должен был раствориться с утренним туманом их мира, не отпрянуть, не сбежать от её чувств и быть счастливым где-то не здесь – Иноуэ мягко улыбнулась ему и заключила в объятия. Переросшая за годы свою школьную влюблённость, она топила его в горячей и искренней любви – смеялась, бывало, шептала смущённое «*Куросаки-кун*» и отворачивалась, стоило их взглядам пересечься. Для него такое поведение было непривычно-неприятным, а она видела его грусть – горечь в глубине карих глаз и отблески Солнца в рыжих волосах. Он был всем для потерявшей семью Орихиме, был и остался – она улыбалась ему, гладила коротко отстриженные волосы тёплыми ладонками и мечтала однажды подарить ему покой.

Он увидел её тонкую сторбленную фигуру у окна, словно нарисованную углём среди солнечного света – она смотрела на небо и мечтала, придерживая тонкую простынь, скрывающую нагое тело – под упрямо мягкими линиями он видел грубые и резкие очертания рёбер, видел позвонки на спине и мог пересчитать ржаво-золотые нити, отбивающие свет. За столько времени это стало привычным чем-то – она грела его своей любовью, подпаливала длинные сине-голубые крылья и забирала себе его тоску, но ему не становилось легче. Поэтому он произнёс несколько коротких, оборвавших удары сердца и его идеальную жизнь, слова – улыбнулся мазано-вынуждено, не скрывая благодарного взгляда, и слабый ветер, пронёсший с собой утреннюю прохладу сквозь персиковые шторы, разнёс его слова.

«Выйдешь за меня?»

Он имел ввиду именно то, что говорил, какой-то частью сознания осознавал свои слова и мечтал упасть в пропасть, бесконечную щель – лишь бы не слышать ответа – Иноуэ всё также сторблено стояла у окна, придерживая тонкими пальцами простынь, и смотрела на него отражением душевной осенней ночи. В её наклонённой набок голове, в прищуре глаз, в изгибе губ – он видел смешанные чувства и немой, слишком понятливый укор.

«Конечно, Куросаки-кун...»

Её объятия оборвали его крылья, сожгли все пути отступления – тонкие руки обвилились вокруг шеи, и он чувствовал тонкое холодное тело, прижатое к своей груди – она становилась на пальцы, силилась подняться выше и привычно гладила его короткие волосы горячими ладонями. Он видел оттенки нежности в её глазах – Иноуэ давно переросла юношескую, ветряную и слишком лёгкую школьную влюблённость; Иноуэ давно и искренне любила. А он, в целом, просто привык – с ней было просто и удобно, она не требовала звёзд и искала свой мир в нём. С ней было просто – Казуи рос смышлённым и талантливым ребёнком под покровительством непривычно строгой матери и развивающего его силы отца. С ней было просто и, одновременно, хорошо – Казуи наследовал силу шинигами и напоминал о призрачном прошлом, которое обрывало его сердце. В глазах жены Ичиги находил покой, в её объятиях забывал свои ночные кошмары.

«Конечно, конечно, Куросаки-кун...»

Ренджи всем сердцем ненавидел одержимую заботу о Куросаки Рукии – то, как она его касалась, как что-то говорила и просто была рядом. Это стало крестом, когда они поженились, и у них родилась дочь – вконец печальная Абарай Рукия отказывалась есть, и сидела в комнате целыми днями – на тонкой рисовой бумаге рисовались звёзды вперемешку со страданиями, сквозь тонкую бамбуковую перегородку он слышал её плач, сквозь всё время пронёс горячие чувства, которых приходилось отдавать за двоих, как тогда казалось. Он знал – фuton неудобно натирает её хрупкое тело, чётко очерченные кости, но поделаться ничего не мог – она кричала не своим голосом, стоило зайти в комнату, или отрешённо смотрела в стену, не произнося ни слова и не смотря на него. С Ичикой сидели женщины из клана Кучики, и он был почти благодарен, но каждый раз натёкался на холодный взгляд Бьякуи и его одобрителное *«Просто присмотри за моей сестрёнкой так, чтобы она не страдала»*. Такая сильная и одновременно удивительно слабая, она стала началом и концом его жизни – жаль, влюблённая в Куросаки лишь растранивала время и зря рвала ключьями душу.

Когда он отпрянул, убежал от неё – она испугалась и зареклась подходить ближе, словно связь между ними вконец оборвалась, и мира вокруг никогда не существовало – не ему ей когда-то пришлось отдать значительную часть своих сил, не с ним бок о бок сражаться, не на его поддержку полагаться. Рукия угасала в этих чувствах, и лишь спустя годы смогла найти облегчения – в улыбке мужа, в стараниях дочери, в одобрении клана

Ичика росла активной, талантливой и полной сил – ей пророчили великое будущее, в ней Рукия находила свою отдушину и отражение прошлого. Ренджи смеялся – она его как-то по-своему любила, бывало, ещё и била, но смотрела с печальной нежностью и каждый раз извинялась. Их семейная жизнь со временем налаживалась, текла ручьём и за невзгодами и приходящими изредка бедами – дочь пропала где-то в лесу, и ужас в её глазах был неподдельный – находилось и солнечное счастье, от которого со временем они отвыкли.

Мир, переполненный красками, жил и дышал – надломлено, надтреснуто, словно старое полотно с неправильными мазками, закрытое в душной и пыльной камерке.

«Здравствуй, Ичиго...»

Почти забыто тихим голосом где-то у входа, куда он нерешительно поднял взгляд и обмер – повзрослевшая женщина, прекрасная женщина, стоящая у входа в его дом, смотрела на него с печальной нежностью и не отводила взгляда – за спиной маячил Абарай, кидая подозрительно-гневные взгляды, и он лишь скомкано улыбнулся, зовя занятую готовкой Орихиме.

Это стало концом его правильного мира.

Страница книги Стало концом в интернете